

ПРИЧИННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Доцент Д-р ЙОЖЕФ ВИГ, Будапешт

1. ПОНЯТИЕ ПРИЧИННОСТИ

В философии и в настоящее время продолжается острая полемика вокруг понятия и интерпретации причинности. В прошедших десятилетиях, особенно среди физиков, оживились взгляды, отрицающие каузальность, динамическую закономерность поведения элементарных частиц. Согласно Гейзенбергу, ведущему представителю так называемого копенгагского истолкования квантовой механики, в мире элементарных частиц основную роль играют не объективные воздействия, а „решающая роль принадлежит наблюдению и действительность представляется всегда иной в зависимости от того, подвергается её наблюдению или нет”.¹ Несмотря на то, что существование независимой от нашего сознания объективной причинной связи физики² с материалистическим мировоззрением доказывают фактами, субъективистский взгляд на связи между явлениями все еще продолжает оказывать влияние на суждения об общественных явлениях, в том числе и на преступность. Специалисты, стоящие на позициях нематериалистического мировоззрения, часто склоняются к тому, чтобы в определенной мере мистифицировать явления, происхождение которых на данном уровне наших познаний не может быть еще доказано экзактным способом, движения, изменения которых еще нуждаются в соответствующих объяснениях.

(Автор не ставит перед собой задачу изложить здесь содержание философских споров, касающихся многогранных проблем каузальности, а ограничивается только ссылкой на факты расхождений во взглядах, указав при этом, которые из этих взглядов считает обоснованными, и, следовательно, применимыми в области криминологии).

В ходе развития философской мысли содержание понятия „каузальность” или „причинность” соответственно изменялось, получало новый смысл. Данное понятие может обозначать: категорию, соответствующую конкретной причинной связи; принцип, заключающий в себе закон причинности, а именно, что одни и те же причины порождают всегда то же самое следствие; и, наконец, может обозначать доктрину, согласно которой всякая вещь имеет свою причину, ничего без причи-

ны не бывает, то, что однажды возникло, раньше, до этого, необходимо прошло стадию своего становления.³

Каждое из этих понятийных истолкований имеет место также и в области криминологии. В социалистическом уголовном правосудии сегодня уже вполне укоренился взгляд о том, что преступность, как и любое конкретное преступление, имеет свои причины и эти причины, при наличии соответствующих условий, необходимо вызывают преступное человеческое поведение. Обычно криминологическая специальная литература определяет, что преступное человеческое поведение детерминировано объективными и субъективными причинами и условиями. Понятия „каузальность” и „детерминированность” часто смешиваются, что, прежде всего, объясняется следующим: криминология в области связей явлений исследует в первую очередь причинные связи явлений. Согласно общему взгляду „В действительности определенность предметов и явлений богаче, чем причинная и закономерная детерминация. Таким образом, кроме причинности и закономерности, мы можем говорить также о взаимодействии, об отношении целого и части, о количестве и качестве, о внутренних и внешних противоречиях, как о своеобразных формах определенности”.^{3а} Согласно Бунге „Принцип причинности представляет собой частный случай принципа детерминизма и по существу он имеет место тогда, когда детерминизм проявляется посредством внешних условий и то однообразным или однозначным способом”.⁴ В криминологии, вернее в возникновении преступности, преступного человеческого поведения принцип причинности в таком понимании сам по себе вряд-ли проявляется, ибо, так как речь идет об общественном движении, человеческой деятельности, наряду с причинной связью всегда можно обнаружить также и вторую, весьма важную форму детерминации: взаимодействие. Личность, субъект человека вообще обратно воздействует на те внешние обстоятельства, которые вызывают преступление и делают возможным его совершение. Поэтому случается, что в криминологии причинную связь часто отождествляют с детерминацией, а это, в свою очередь, постольку соответствует действительности, поскольку совершение преступления однозначно определяется объективными и субъективными причинными факторами.

Когда в философии речь идет о каузальности, как правило, имеют в виду ту форму связей, когда в многосторонней сети связей некоторое явление квалифицируется как следствие, иное (-ые) явление (-я) признаются его причиной (причинами). Таким образом исследование, изучение взаимосвязей происходит на уровне единичного, на уровне конкретных явлений, причинная связь только лишь на этом уровне может быть выявлена.

Хотя в литературе за последнее время причинные связи рассматриваются параллельно с проявляющимся при массовых явлениях вероятностными связями, каузальность ограничивают генетической порождающей связью,⁵ проявляющейся в сфере индивидуальных явлений.

Когда, однако, исследование уже начинает передвигаться в область действия закона, закономерностей, когда начинают исследовать сущностные, прочные, общие и необходимые связи и абстрагируются от необходимых, но случайных, связей, то здесь уже различают две формы, а именно, динамические и статистические законы.

Правомерно возникает вопрос: если динамический закон считать законом причинности, можно-ли таким же образом считать, что и статистический закон имеет причинный характер? С нашей же точки зрения вопрос ставится так: какая причинная связь проявляется на уровне конкретного преступления и на уровне преступности, как массового явления, и какие законы причинности могут быть обнаружены в движении, изменении этих двух, друг от друга отличающихся, явлений?

На поставленные вопросы не так легко дать ответы. Ведь философская теория причинности делает обобщение прежде всего на основе причинных взаимосвязей, закономерностей, физических явлений. И фразеологию черпает в первую очередь из этой области. Совсем незначительно число тех трудов о причинности, которые ставят себе целью изучение человеческого поведения, в более узком смысле — изучение области преступного человеческого поведения.⁶

Поэтому в настоящей нашей работе скорее всего совершим только попытку обобщить причинность преступности, преступлений, конкретизировать общие философские тезисы.

2. ПРИЧИННОСТЬ КОНКРЕТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

(Индивидуальная каузальность)

При описании причинной связи, как правило, исходят из эмпирических фактов, из фактов, основанных на опыте. В физике, а особенно в механике, очень частым является случай, когда следствие является результатом действия почти исключительно одной, так называемой, доминантной, причины. Поэтому, согласно механического философского воззрения, сущностью причинной связи является однозначная связь, внутри которой следствие, обычно, местоизменение, динамика вещи, вызывается какой-нибудь причиной, то есть под воздействием некоторого внешнего влияния.

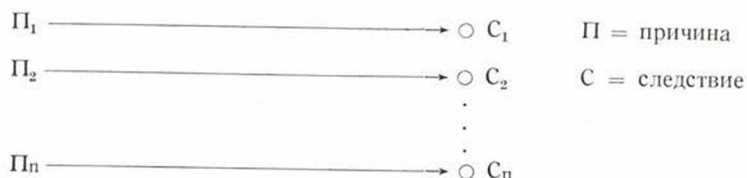
Однако, различные по своему направлению криминологические исследования однозначно доказывают, что преступления, вообще, могут быть сведены к нескольким, хорошо распознаваемым и поддающимся выделению, причинным факторам, то есть каждое отдельно взятое преступление, как следствие, может быть объяснено действием нескольких причин. На основе данных исследований стало очевидным, что эти причины, в сочетании с соответствующим условием, необходимо вызвали, породили преступление.

Естественно, и в области преступности может случиться, что среди вызывающих некоторое преступление причин та или иная причина может выделиться, может сыграть такую доминирующую роль, что

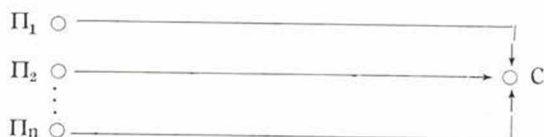
остальные причины, по сравнению с ней, тускнеют и кажется, как будто мы имеем дело только со связью одной причины и одного следствия. Это, однако, является только лишь видимостью, так как наряду с доминирующей причиной всегда можем обнаружить другие факторы, которые, хотя и с меньшей интенсивностью, но все же принимают участие в порождении преступления. Из этих фактов следует, что в причинной связи преступлений, пользуясь философским термином, проявляется много-однозначных взаимосвязей, то есть некоторое следствие порождается множеством причин и условий.

Это двоякое понимание, то есть их различие, можно проиллюстрировать нижеприводимыми рисунками:

Механический взгляд:

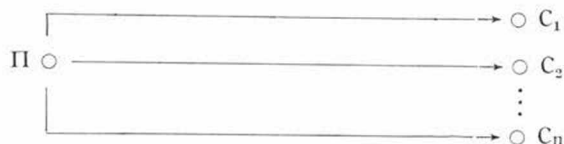

Криминологический взгляд:

Естественно, действительная взаимосвязь всегда богаче, чем исследуемая и выделенная нами причинная взаимосвязь. Ибо причина, фигурирующая в нашей причинной реляции, может принять участие в создании не только одного единственного следствия, а и в создании других следствий, среди них, возможно, других преступлений.

Приведем схему данного положения:

Криминологию, однако, интересуют только те следствия, которые квалифицируются как преступление и ею исследуются только те причины, в результате которых имело место преступление. Соответственно мере в пределах каузальности, которые представляют собой следствие преступлений, являются следствиями последних.

Однако, в общей схеме „больше (много) причин одно следствие” всегда заключена также связь одной причины-одного следствия, то есть отношение одной-однозначности. И эта связь становится доминирующей, или, возможно, единственной, когда остальные связи остаются неизменными или фиксированными. В физике это отношение хорошо иллюстрируется повышением температуры, однозначно влияющей на давление газа, естественно, при неизменном объеме. Появление такого причинного отношения в человеческом поведении очень редкое, и даже если оно и обнаруживает себя, то скорее всего как доминирующее, а не как единственное отношение. По Бунге „Простая причинность во многих случаях является необходимой, даже, приблизительно действительной, но все же, строго принимая, никогда не истинной”.⁷

О явлениях, факторах, порождающих преступление, до сих пор мы говорили как о причинах и условиях. Определение причины и условия, а также их разграничение друг от друга сегодня продолжает быть спорным в криминологии. В общем криминологи признают, что разрешение этих вопросов имеет не только теоретическое значение, но важно также с точки зрения практики, так как предупреждение преступности требует разграничения причин и условий. Ибо в борьбе с преступностью требования по отношению к искоренению причин или условий не одни и те же. Мы считаем, что в первую очередь должны быть приняты меры не против условий, зачастую внешних объективных условий совершения преступления, а против факторов, формирующих антисоциальную личность, вызывающих преступное волевое решение. Поэтому мы стремимся к тому, чтобы с меньшей — большей точностью провести черту между причинами и условиями.

Новейшее издание философского Малого Лексикона отражает относящееся сюда общее воззрение философии. „Различают полную причину и причину специфическую. Полная причина — это совокупность всех обстоятельств, при наличии которых необходимо наступает следствие. Специфическая причина — это совокупность ряда обстоятельств, появление которых (при наличии многих других обстоятельств, уже имевшихся в данной ситуации и до наступления следствия и образующих собой условия действия причины) ведет к появлению следствия. Установление полной причины оказывается возможным лишь в сравнительно простых случаях, и обычно научное исследование направлено на раскрытие специфических причин данного явления. Это происходит еще и потому, что в специфическую причину объединены наиболее существенные в данной ситуации компоненты полной причины, а остающиеся компоненты выступают лишь как условия действия этой специфической причины”.⁸ В цитате имеются даже два вопроса, которые можно оспаривать. Один из них — истолкование причины и условия, другой — задача науки в области исследования причины при такой интерпретации причины и условия.

Что касается первого вопроса, считаю, что с точки зрения криминологии приведенную выше дефиницию можно принять только с опре-

деленной модификацией. Ибо, согласно цитату, специфическую причину составляет совокупность наиболее существенных условий и, следовательно, в круг условий входят менее существенные или несущественные условия, значит, те, которые „выступают лишь как условия действия этой специфической причины”. Однако, в совершении преступления или, наоборот, в его не совершении, эти условия, эти менее существенные факторы, могут играть очень важную роль. Было бы большой ошибкой считать такие криминогенные факторы несущественными или, выражаясь точнее, не считать их существенными также с точки зрения предупреждения преступности. Поэтому мы, вопреки общему философскому воззрению, придерживаемся сформированного по данному вопросу нашего взгляда,⁹ согласно которому среди вызвавших данное конкретное преступление причин и условий различаем причины и условия, соответственно выполняемых ими функций в создании следствия. То есть, имеются такие факторы, или, выражаясь по-другому, такие элементы, обстоятельства, порождающего следствие, которые, в случае наличия соответствующих условий *вызывают* следствие, и мы их называем *причинами*, и есть такие факторы, которые обеспечивают причине возможность ее проявления, *делают возможным* реализацию причин в следствие. *Эти последние мы считаем условиями.*

В качестве собирательного понятия причин и условий представляется обоснованным употреблять общепринятое в криминологии понятие причинных факторов или обстоятельств. На мой взгляд эти понятия не находятся в противоречии с философской категорией причинности и являются только выражениями, принятыми и употребляемыми в определенной области объективной действительности, причем, возможно, эти выражения смогут обогатить понятийный аппарат философской причинности, основывающейся на физической каузальности.

Практика правосудия доказывает, что факторы, вызывающие преступление, согласно их вышеупомянутым функциям могут быть хорошо разграничены друг от друга. Считаем нужным здесь отметить, что это разграничение возможно только в отношении совершения конкретного преступления, так как то же самое явление, или явление такого же типа, которое в одной преступной реляции выполняло функцию причины, в другой преступной реляции может играть роль условия и, наоборот. К примеру. Если некоторое галери несовершеннолетних под влиянием своих друзей проявило хулиганское поведение, в таком случае круг друзей несовершеннолетнего галери бесспорно, оказался доминирующей причиной совершения преступления хулиганства. Однако, если тот же галери был использован посторонней личностью для осуществления издавна вынашиваемого им плана кражи со взломом, то группа несовершеннолетних будет квалифицироваться как одно из условий преступного поведения упомянутой посторонней личности. (К данному вопросу мы еще вернемся в ходе исследования проблемы причинности преступности.)

С подобной интерпретацией причин и условий мы встречаемся в трудах советских и болгарских криминологов¹⁰ и у отечественных специалистов-этиологов.¹¹

Другой вопрос, фигурирующий в цитате, взятой из Лексикона — задача научного исследования в области раскрытия причин. Мы согласны с тем, что причины и условия в своем множестве и сложных связях, вряд-ли могут быть вскрыты безостаточно. Как раз поэтому реально нужно стремиться только к познанию существенных факторов. По нашему, однако, существенными факторами являются не только те, которые выполняют функцию причины, но такие обнаруживаются также среди условий. Криминологические исследования должны в равной мере включать в круг своего предмета — хотя и не с одинаковой интенсивностью — и причины, и условия. В случае непреднамеренных преступлений условия играют весьма значительную роль в совершении преступления.¹²

Существенным элементом философского взгляда на причинность является то, что генетические изменения наступают от внешних факторов, то есть изменяющееся явление в значительной мере находится под влиянием внешнего окружения. Бунге, например, говоря о проявлении причинности, акцентирует, как-бы в качестве условия, на „преобладающей роли внешних факторов” по сравнению с внутренними.¹³

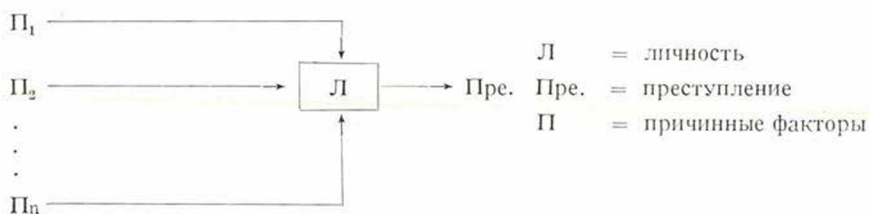
С точки зрения преступления, преступности, это означает, что причины прежде всего должны отыскиваться в объективном внешнем окружении и о причинном отношении можем говорить тогда, если эти внешние факторы сумели оказать полноценное влияние на возникновение преступления. Здесь снова нам предстоит решать своеобразную проблему. Преступление, как следствие, является сознательным человеческим деянием, человеческим проявлением. Внешнее воздействие оказывает влияние на человека как на сознательного существа, как на существа, обладающего самосознанием и, через последнее, проявляется в преступном поведении. Марксистские философы обычно обращают внимание на то, что при оценке причинного отношения нельзя не учитывать также явление, на которое причина оказывает свое влияние. „В действительности никогда нельзя абстрагировать от того явления, на которое причина оказывает влияние, так как и данное явление, в той либо иной форме, способствует наступлению результата. Этот закон действительный даже в случае наиболее простых механических примеров. Мы получим совершенно иной результат, если с такой же силой протолкнем вперед железный шар весом в пол килограмма или сделаем попытку сдвинуть сосуд с жидкостью того же веса. Однако, настоящее значение закона проявляется в области форм движений более высокого порядка, где все более значительную роль играет явление, на которое причина оказывало влияние. Уже в мире животных можно заметить, что животное на одни и те же причины в разное время реагирует по-разному (например, потому, что оно выработало в себе новые условные рефлексы, приобрело новый опыт), а поэтому далеко не всегда можно сделать вывод о причине, выходя из следствия.

Еще в меньшей мере это возможно у человека, где внешние причины проходят через фильтр сознания, человек не является пассивным объектом внешних воздействий, а сознательно принимает решение, сознательно действует. Поэтому в области причинных связей всегда необходимо учитывать последующее звено цепи, которые могут играть различную роль в создании следствия".¹⁴

Подобный опыт и воззрение можно встретить в биологии, например, в области патофизиологии. Среди причин заболеваний и среди вызванных ими болезней взаимосвязь не проста, не механическая. Даже самые сильные вирусы не каждого человека поражают, в то же время у отдельных людей и слабые вирусы могут вызвать заболевание".¹⁵

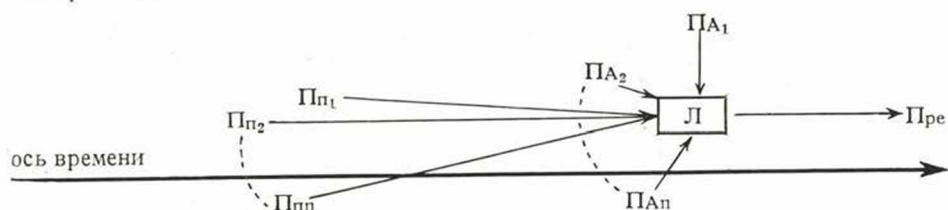
Этот принцип в области преступлений проявляется таким образом, что так называемые внешние криминогенные факторы или обстоятельства не у каждого человека приводят к совершению преступления. В том, чтобы кто-нибудь совершил преступление, очень важная роль достается не только внешним влияниям, но и личности, сознательному состоянию. Имеются преступления которые являются следствиями не столько внешних обстоятельств, как скорее всего следствиями состояния личности правонарушителя. Эти факты очень часто формируют взгляды, согласно которым человеческое деяние и, среди них, также и преступное человеческое поведение, являются „самозаконными“, являются следствиями „самодетерминации“ или „свободной воли“. Упоминаемые факты, однако, не противоречат универсальному действию причинной связи. Нужно только вскрыть тот механизм, те цепи, посредством которых каузальность реализуется. Учитывая, что в возникновении преступления весьма важную роль играет личность правонарушителя, общую схему каузальности можем модифицировать следующим образом.

Эта схема точнее прежней отражает причинное отношение, хорошо иллюстрирует опосредствующую, трансформирующую роль субъекта, личности. Но в то же время показывает и то, что, между прочим, естественно, — преступление находится в непосредственной связи с личностью и только через нее, соответственно ей, отражает объективные влияния.

В данном виде схема иллюстрирует только причинное отношение, находящееся в непосредственной связи с преступлением. Однако,

если мы хотим выразить также и ту реальность, что личность является также следствием некоторых влияний, то мы должны произвести на схеме определенные изменения. Такую модификацию мы можем произвести на основании того теоретического тезиса, что состояние личности в конечном итоге определяется материальными объективными отношениями, личность является следствием объективно существующих влияний. Другими словами, в личности субъективизируются прошлые объективные отношения индивида. Психология актуальной личностью называет существующее в данный момент состояние личности. Данное понятие и в криминологии все больше становится общеупотребляемым понятием. Следовательно, совершение преступления вызывают отчасти актуальная личность, отражающая собой прошлые объективные отношения, отчасти же влияющие на актуальную личность объективные причинные факторы. Совокупность этих актуальных причинных факторов обычно называем ситуацией, объективным положением, предшествующим совершению преступления. Проявляющуюся в этой двойной реляции посредством объективных отношений определенность преступления можно проиллюстрировать нижеприводимой схемой:

$П_{п1} - П_{пн}$ = формировавшие личность прошлые объективные факторы

$П_{А1} - П_{Ап}$ = объективные факторы, оказывающие влияние на актуальную личность (ситуации)

Наша причинная схема, однако, все еще неполна, в ней отсутствует предвидящая, будущее предвосхищающая проекция человеческого целесообразного психического деяния.

Согласно марксистской философии целесообразность является определенной стороной сложных причинных взаимосвязей. Возможность целесообразности покоится на той закономерности, что следствие обратно воздействует на породившую его причину,¹⁶

Взаимодействие между причиной и следствием, следовательно, не является отдельной, друг друга исключающей, детерминационной формой, как это утверждает Бунге: „... в сфере общества доминирующей детерминационной категорией является скорее взаимодействие, чем причинность”.¹⁷ Об этой форме взаимодействия позже упомянется в смысле, когда следствие, как новый элемент объективной действительности, обратно воздействует на причину. Однако при целесообразной деятельности следствие еще до своего наступления влияет на личность в форме идеального, мысленного образа, как цель деяния.

Очень удачно пишет Энгельс, что „Причины человеческих поступков выступают в виде целей, желаний человека. Это то принципиально новое, в чем причинность в общественной жизни отличается от причинности в природе”.¹⁸

Цель, как специфическое явление духовной жизни человека, определена органической природой, основу которой составляют физиологические механизмы, сложные условнорефлекторные связи. Эти связи представляют собой отражения общих взаимосвязей действительности. Посредством этих связей в сознании человека возникает идеальный, мысленный образ будущего явления, то есть субъективная цель, оказывающая воздействие на человеческую деятельность. Если этот образ будущего окажется подходящим для удовлетворения потребностей, то он и будет побуждать человека к действию, к осуществлению его замысла, в противном же случае образ будет побуждать к воздержанию от действия. Таким образом, в общей причинной взаимосвязи человеческой деятельности определенное место занимает также целесообразное отношение, то есть мысленный образ еще не наступившего следствия в процессе, порождающем следствие, становится непосредственной причиной. Пользуясь кибернетической терминологией, человека можем воспринять также как коммуникационную систему, как канал между физическим источником информации и конечным результатом его деятельности, когда проходящие через потребность и возможности познания два информационных потока соединяются в человеческой цели.

Так как целеобразование является мысленной формой, мысленным образованием познанных потребностей и возможностей, его можно рассматривать в качестве следствия объективной действительности и, как субъективная причина, принимает участие в вызове человеческого поведения. „Эта связь причина-следствие опосредствована: цель отражает порождающие её внешние условия (на взгляд автора — причины) только через промежуточные психические звена цепи, через индивидуальный и общественный опыт.” „Характер цели, выступающей в качестве следствия, в значительной мере зависит от внутренних условий сознания, через целостную призму которых преломляется действие внешних причин”.¹⁹

Это схематическое философское изложение, конкретизируя в области преступного человеческого поведения, означает, что в каждом совершении преступления, в котором антиципированный образ противоправного поведения появился со своим преимущественным, подходящим для удовлетворения некоторой потребности, влиянием, присутствовало также целеобразование, как субъективный фактор.

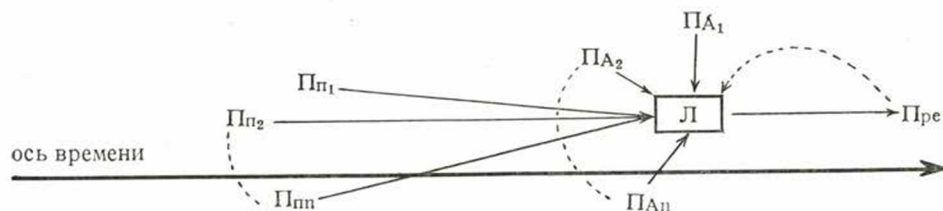
Однако, осознание цели не одинаково проявляется в совершении каждого отдельного преступления, иначе проявляется в преступлениях, совершенных с умыслом, а иначе в преступлениях, совершенных по неосторожности. Уголовное право определяет разницу между преступлениями, совершенными с умыслом и по неосторожности, исходя как раз из того, что в каком психическом отношении находился

правонарушитель с преступлением, то есть, возник-ли в нем, или каким образом возник в нем антиципирующий образ антиобщественного поведения, преступления. Преступление, как цель человеческой деятельности, фактически проявляется только в случае так называемого прямого умысла. Уже и в случаях преступлений, совершенных с косвенным (эвентуальным) умыслом, поведение направлено к иной цели, хотя в сознании со всей ясностью возникает вероятность общественно-вредного последствия. В случае преступлений, совершенных по неосторожности, сознание цели направлено не к преступлению, реальность общественно-вредного последствия даже и не возникает. Как раз поэтому схема причинной связи меняется соответственно различным категориям преступлений. Так как криминологические исследования и, соответственно взгляды, были обращены в первую очередь и зачастую к одним только преступлениям, совершенным с умыслом, и продолжают к ним обращаться и сегодня, причем только лишь на их типические, часто появляющиеся формы, следует считать, что наиболее обще формулированные закономерности, тезисы должны относиться к преступлениям, совершенным с умыслом. Только в наши дни, вследствие увеличения масштабов преступлений по неосторожности, все больше осознается факт, что криминология не тождественна или не может признаваться тождественной системе знаний, относящихся к преступлениям, совершенным с умыслом, а должна охватывать также опыт, теоретические выводы исследований, относящихся к преступлениям по неосторожности.

Мы находим существенное различие также и в причинном механизме преступления, совершенных с умыслом и по неосторожности, так как у преступления с умыслом целеустремленное поведение непосредственно осуществляет преступление, в то время как у преступлений по неосторожности целенаправленное поведение само по себе, как правило, не является преступлением, а становится им лишь тогда, если оно сочетается с общественно вредным последствием, с таким вредным последствием, которое правонарушитель мог избежать при проявлении им общественно ожидаемой заботливости. Из-за этого структурного расхождения мы отдельно рассмотрим каузальность и действительные причинные связи преступлений, совершенных с умыслом и отдельно — преступлений, совершенных по неосторожности.

Следовательно, схема, иллюстрирующая причинные связи конкретного преступления с умыслом, с учетом целенаправленной деятельности человека, модифицируется следующим образом:

Если, однако, совершение одного конкретного преступления мы будем рассматривать не только статически, в ретроспективе, начиная с момента совершения преступления, а и динамически, в движении событий, то мы увидим, что по мере течения времени актуальные причинные факторы ($P_{A1} - P_{An}$) переходят в область прошедших объективных факторов ($P_{п1} - P_{пn}$), даже и само преступление, как объективная реальность, прежде как актуальный объективный фактор, оказывает свое влияние (не необходимо криминогенное влияние) на субъект, возможно на другие субъекты, затем преобразуется в прошедший объективный фактор.

Для связей объективных отношений с личностью характерна — как это усматривается также из предыдущего динамического рисунка — не однонаправленная связь, а взаимодействие. Человек постоянно находится во взаимодействии со своим окружением. Среда формирует человека, человек же преобразовывает свою среду. Взаимодействие осуществляется как раз через человеческие поступки, в том числе и через преступление. Каждый человеческий поступок, если даже во многих случаях едва заметным способом, изменяет действительность, становится её частью и, как часть объективной действительности, оказывает влияние на субъект, на того, кто совершил данный поступок.

Очень наглядный рисунок был разработан Кудрявцевым для иллюстрации возникновения преступления:²⁰

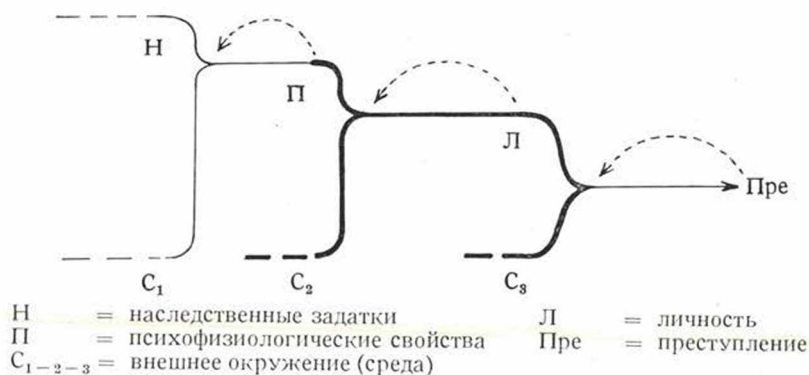

Рисунок фактически является схематическим наброском жизненного пути правонарушителя до совершения им преступления. То есть в результате биологических задатков и средовых влияний создаются психофизиологические свойства, а затем, на основе дальнейшего взаимодействия этих свойств и среды складывается личность и, наконец, вследствие взаимодействия личности и окружения происходит преступление.

После составления и принятия вышенамеченной схемы, остались еще два вопроса, которые в ходе исследования каузальности конкретного преступления необходимо рассмотреть и уточнить. Одним из них

является проблема субъективных причин, другой же вопрос — интерпретация причинной цепи.

Из схемы ясно видно, что и в преступном человеческом поведении личность присутствует в качестве „призмы”, в качестве „коммуникационной системы” между внешним объективным окружением и деянием. Из приведенной схемы относительно легко могут быть распознаны, причем, экзактным способом, преступление и актуальное обстоятельство (ситуация). Намного меньше мы можем узнать о личности, о психических процессах и об их физиологических основах. Как раз поэтому некоторые авторы называют личность также „черным ящиком” причинного механизма.²¹ Однако, вполне уверенно можем сказать, что относящаяся к правонарушающему поведению постановка цели (даже и тогда, когда психический процесс проходит за совсем короткий промежуток времени), а при наличии соответствующих условий, преступление рождаются в качестве равнодействующей осознанных в форме мотивов, потребностей, взглядов или представлений, относящихся к возможностям или к последствиям действия.

Основная заслуга социалистической криминологии заключается как раз в том, что она связывает совершение преступления, посредством личности, с объективной действительностью, прежде всего с общественными отношениями. Социалистическая криминология уже в начальном периоде своего развития сформировала понятия субъективных и объективных причин. На сегодня же общим является взгляд о том, что преступления находятся в непосредственной связи с одними только субъективными причинами, элементами, компонентами личности, которые и вызывают антиобщественное поведение. Объективные причины проявляют свое влияние только лишь опосредствовано через личность. В свете этих мыслей становится очевидной ошибка той из теории факторов, которая пытается доказать непосредственную связь различных объективных факторов с преступлением.

Однако, приведенная выше схема объясняет не только существование субъективных причин и то место, которое они занимают в пределах причинной связи, а одновременно показывает также и то, что преступление, как следствие, возникло не через одну связь причина-следствие, а через причинную цепь.

Причинная цепь, как общая философская категория, в криминологии означает, что, отправляясь от преступления в обратном направлении, мы обнаруживаем такую причинную связь явлений, в которых связи причина-следствие сменяют друг друга. Точнее, и порождающие преступление субъективные, затем объективные причины имеют свои причины, то есть эти причины в иной причинной связи являются следствиями других причин.

Изучение причинной цепи для криминологии, для криминальной этиологии является исключительно важным, так как вскрытие этого дает объяснение совершенному преступлению. Уже сама причинная схема отражает причинную цепь, такую причинную цепь, которая состоит из двух звеньев цепи. В частности, влияние прошлых отношений

на формирование личности, затем обоюдное влияние личности и ситуации на возникновение преступления. В первом причинном звене цепи или причинной взаимосвязи личность, актуальная личность, является следствием, и функцию причины выполняют прошлые отношения. Это звено цепи состоит из многих, продолжительное время следующих друг за другом и, относительно независимых друг от друга, отношений причины-следствия. Это первое причинное звено включает все те влияния и последствия, которые имели место на протяжении всей жизни человека — для нас: преступника —, и которые способствовали формированию актуальной структуры его личности.

Символическое обозначение прошлых причин в одном звене цепи является только абстракцией для обобщения тех конкретных связей причина-следствие, которые сделали преступника тем, чем он стал, сделали его таким, каким он есть. В более узком смысле упоминаемое звено является совокупностью тех причинных связей, которые способствовали формированию общественно вредных, отклоняющихся от общественных требований, взглядов, черт характера, привычек. Та причинная схема, которая нами была намечена для иллюстрации каузальности конкретной преступности, фактически может быть применена ко всякому поведению в прошлом и, посредством этого, быть может, станет еще более ясным, что актуальная личность не что иное, как постоянное взаимодействие объективных отношений личности и её собственных поступков начиная с рождения и до исследуемого, в данном случае преступного, поведения.

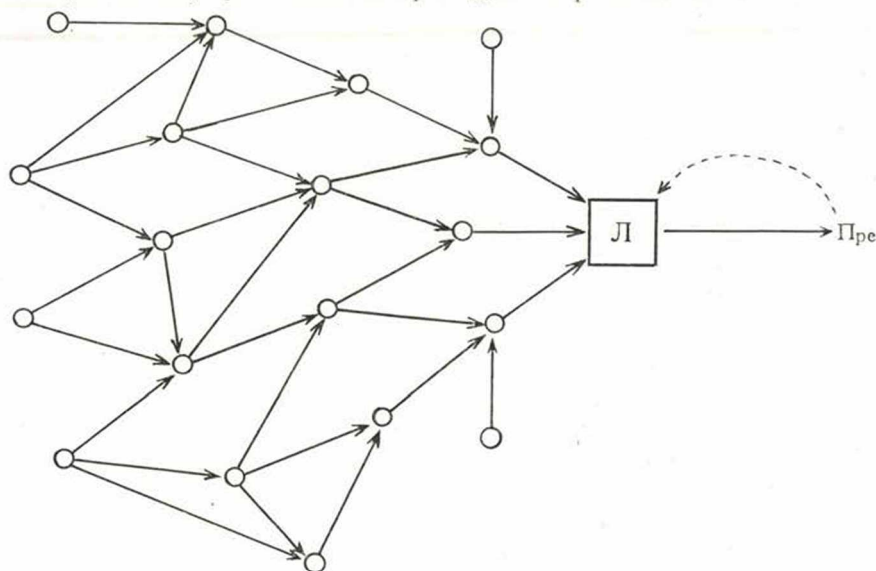
Второе причинное звено содержит ту причинную связь, в которой актуальная личность и ситуация выступают в качестве причины, а преступление, как следствие. Личность здесь уже кроме субъективизированной ситуации содержит и те целевые представления, которые образовались в антиципированной форме о преступлении как о еще не имевшем место явлении и о его возможных последствиях. С точки зрения уголовной ответственности очень важным является также выделение и изучение *третьего звена цепи*. Этим звеном является связь между преступной деятельностью и её последствием, то есть звеном, которое уголовное право обозначает как причинность и на котором мы более подробно уже останавливались при уголовноправовой и криминологической интерпретации каузальности.^{21/a}

Изучение первого и второго причинных звеньев, предшествующих совершению преступления, является прежде всего задачей криминологии. Вскрытые закономерности в этой области требуют также широких психологических, социологических и философских знаний. Исторический опыт доказывает, что односторонние исследования — только психологические или только общественно-экономические — никогда не были в состоянии дать всеобъемлющее объяснение преступлению и тому, в чем оно заключается, не могли дать объяснение причинности и предупреждению преступности. Мы убеждены в том, что криминология только тогда будет идти по верному пути, если преступное человеческое поведение будет изучать через причинную цепь, на основе

причинной схемы. Криминология вскрывает те конкретные реальные явления, движения, взаимодействие которых вызывает совершение преступления.

Однако, часто возникает вопрос, что, двигаясь в обратном направлении по причинной цепи, до какого именно предела целесообразно идти, ибо причинные цепи явлений разветвленные и бесконечные.

Если мы будем дальше продолжать разбор общей причинной схемы в обратном направлении, рассматривая, ради упрощения, преступления в качестве следствия, то причинную цепь, возможно, целесообразно проиллюстрировать нижеприводимым рисунком.

Тройная группа обозначает не фактическое количество причин, а только то, что каждое следствие порождается несколькими причинами. Как можно более экзактное познание причинной связи, названной нами вторым, исходным звеном цепи, с одной стороны, между актуальной личностью, действующими на нее объективными отношениями и целевым представлением (потребность, возможности), а с другой стороны, между преступлением, является основополагающим требованием. Проблема начинается там, где мы переходим к изучению связей личности с формирующими её объективными отношениями. Как мы уже говорили, это звено цепи является символизацией совокупности следующих друг за другом продолжительное время и находящихся друг от друга в относительной зависимости связей причина-следствие. Эти конкретные связи причина-следствие всегда сходятся в личности, ведь мы принимаем во внимание те причинные цепи, которые оказывали влияние на личность, то есть способствовали её неблагоприятному формированию, или которые влияли в сторону усиления некоторого антисоциального мотива.

Так как множество причинных цепей в своей полной целостности не может быть познано, в процессе криминологических исследований, а также в ходе привлечения к уголовной ответственности к исследованию только то требование может быть реально предъявлено, что из причинной цепи безусловно необходимо вскрыть те связи, из которых может быть понята необходимость возникновения преступного поведения.

Здесь мы думаем рассмотреть также причинную связь преступления, последствия, исходящие из отсутствия чего-либо, хотя это является не только проблемой каузальности, проявляющейся на уровне индивидуального, на уровне конкретных явлений, так как в практике правосудия такие явления встречаются очень часто. В ходе интерпретации причинного механизма могут возникнуть недоумения, если только мы не займем позицию по вопросу продуктивности причин в пределах связи причина-следствие. Принцип продуктивности (или генетический принцип) означает, что одним из существенных признаков каузальной связи является активное начало, активное влияние причин.²² На основе этого философского взгляда можно считать, что те причины и условия, которые принимали участие в вызове преступной воли, в принятии преступного решения, являются причинами, а те, которые сделали возможным осуществление умысла, направленного на совершение преступления, являются условиями. Однако, подобным образом имеют свои причины и условия человеческие поведения, не нарушающие общественные требования, уголовные нормы. Преступные и непроступные человеческие поведения являются противоположными парами, с точки зрения общественного суждения они обладают противоположными оценками. Так как речь идет о противоположных парах, причины, как правило, также получают противоположные оценки. Самой непосредственной причиной преступления можно считать, например, победу кримиогенных факторов в борьбе мотивов. Напротив этому, поражение кримиогенных мотивов, то есть победа высших мотивов приводит к проявлению не преступного, общественно одобряемого, поведения. Поражение высших мотивов, или даже их не появление, Ерши Дьюла в своей монографии об ответственности также признает причиной, психической причиной. „Если в сознании произойдет столкновение противоположных мотивов, то поражение мотивов, сообразных с правовыми нормами, является той психической причиной, которая обусловит необходимость в воздействии путем применения средств ответственности, а, посредством этого, вызовет необходимость в усилении этого рода мотивов, если же „борьба мотивов” даже и не стала развёртываться, так как общественный мотив при данных обстоятельствах даже и не появился в сознании, то именно в этом и заключена психическая причина. Однако, не появление общественного мотива, как психическая причина, является опять таки только упрощенным для целей правовой оценки выражением того, что в действительности произошло”.²³

Как видно, один и тот же процесс может быть сформулирован с двух сторон. Подобным образом, хотя и не с такой экзактностью, мо-

жет быть изложена противоположность и в рамках объективных причин. Там, где мы встречаемся с положительными с точки зрения общественных требований, обстоятельствами, там нет преступления, там же, где доминирующими являются криминогенные обстоятельства, там, естественно, наличествует преступное поведение. Наличие одной причинной группы одновременно означает отсутствие другой группы. Однако, это противопоставление действительно только относительно двух крайних полюсов. В действительности положительные и отрицательные причины вообще обнаруживают себя в жизненных условиях людей не в таких чистых группировках, а в различных их соотношениях. Поэтому нельзя так резко разграничить друг от друга, с одной стороны, осужденных и неосужденных, с другой стороны же правонарушителей от честных граждан. Континуитивность между преступными и не преступными человеческими поведениями и их причинами обозначает, что эти явления составляют единую систему, внутри которой отсутствие одних явлений предполагает наличие их противоположностей. Общественные требования, — смотря на них со стороны искоренения преступности, все равно, как формулируем, что потому-ли существует преступность в данном обществе, что имеются еще в наличии криминогенные факторы, или же потому, что положительные жизненные условия не стали еще преобладающими — являются тождественными. Криминология, особенно социалистическая криминология, в состоянии определить те обстоятельства, которые с наибольшей вероятностью приводят к совершению преступления и, таким же образом может определить также и те обстоятельства, которые обеспечивают соблюдение общественных требований. Но в данный период нашего общественного развития нет возможности для искоренения этих обстоятельств и, наоборот, для полного создания положительных обстоятельств. Нам известно, например, что преступник, алкоголик, родитель, грубо относящийся к своему ребенку, оказывают криминогенные влияния, эти свойства родителей с большим правдоподобием фигурируют среди причин. Но мы знаем также, что противоположное поведение родителей, основанное на уважении закона, культуре, любви к ребенку, побуждает ребенка к соблюдению общественных требований. Можно ли после этого дать такую формулировку, что малолетний совершает преступление потому что родитель его не уважает закон, стоит на низком культурном уровне (алкоголик, не проявляет родительскую любовь). Фактически мы формулируем те же свойства родителей в положительной и отрицательной форме. Это значит, что в случае положительной формулировки нам известно, что именно отсутствует, ведь преступник, безусловно, не может быть лицом, уважающим закон и, наоборот. Если мы установим отсутствие некоторого свойства, то из этого уж сможем сделать вывод о том, что именно наличествует. И таким же наглядным является часто приводимый пример, когда недосмотр со стороны матери приводит к гибели ребенка. Это можно формулировать и таким образом, что причиной смерти ребенка было отсутствие надлежащей заботливости, ожидаемой обществом от каж-

дого родителя. И так как проявление заботливости предписывается также правовыми нормами, следует считать, что поведение родителя оказалось не только вредным для общества, но и противоправным. Известный представитель советской криминологии в лице Кудрявцева занял решительную позицию, утверждая, что в криминологии и „пассивные” факторы или отсутствие факторов может также выполнять функцию причины. По Кудрявцеву негативные, „пассивные” явления имеют значение причины в нравственном формировании личности, так как образуют „вакуум”, который заполняется активными криминогенными влияниями и, в то же время, обладают также реальным информационным значением. Отсутствие чего-либо является как раз таким же сигналом, признаком, как присутствие того либо иного социального факта, причем все зависит от содержания данных явлений, а не от их формы. Поэтому причины необходимо рассматривать в той системе, из которой создается действительность. Пассивное поведение человека нужно признать причиной определенных результатов, если это поведение принадлежит к элементам системы.²⁴

Но и у других авторов находим ссылки на то, что факт отсутствия чего-либо должен рассматриваться в качестве причины преступления. Например, в своей статье „Правосознание и причины преступности” Карпец и Ратинов к числу криминогенных причин относят отсутствие сформировавшегося правосознания, отсутствие правильного правосознания.²⁵

Мы согласны с Кудрявцевым и с другими, кто представляют подобные взгляды, а именно, что внутри одной системы в причинной детерминации участие принимают также и „пассивный элемент, отсутствие чего-либо”. Расхождение во взглядах начинается только тогда, когда возникает вопрос: можно-ли считать эти факторы причиной или нет. Но это уже зависит от концепции причинности. Для тех, кто считает, что совокупность условий нужно признать общей причиной, а совокупность наиболее существенных условий, должна рассматриваться как специфическая причина, последовательной позицией будет квалификация пассивных или принадлежащих к системе, но отсутствующих, элементов, в качестве причины. Однако, согласно нашей позиции, ввиду того, что в конкретных преступлениях, по нашему, нужно разграничивать причины и условия, иначе говоря, мы признаем принцип продуктивности причин, упомянутые факторы нуждаются в иной оценке. В понятие продуктивности причин входит принцип „если... и только тогда”, то есть, если эти и эти условия наличествуют, лишь тогда причины порождают следствие. В данной связи условия не могут считаться несущественными, ведь для наступления следствия, результата, эти условия (имеются также и иные условия) являются безусловно необходимыми. Правильно отмечают специалисты патофизиологии, что причины выделяются среди условий, что и определяет своеобразие болезни. От условий зависит, вызовут-ли причины следствие, или нет, но если вызовут, то это может быть только определенный причинами специфический результат.²⁶

Суммируя сказанное, можем сделать вывод о том, что пассивные факторы, или отсутствие чего-либо в причинной связи преступления играют очень важную, часто безусловно необходимую роль. Однако, как бы сильно ни вязалось к ним возникновение преступления, мы все же не можем отнести их к категории причин, так как они не оказывают активного продуктивного влияния. Эти элементы причинной детерминации, или же, пользуясь нашей терминологией, факторы, считаем условиями, такими условиями, которые способствуют или тормозят проявление влияния причин.

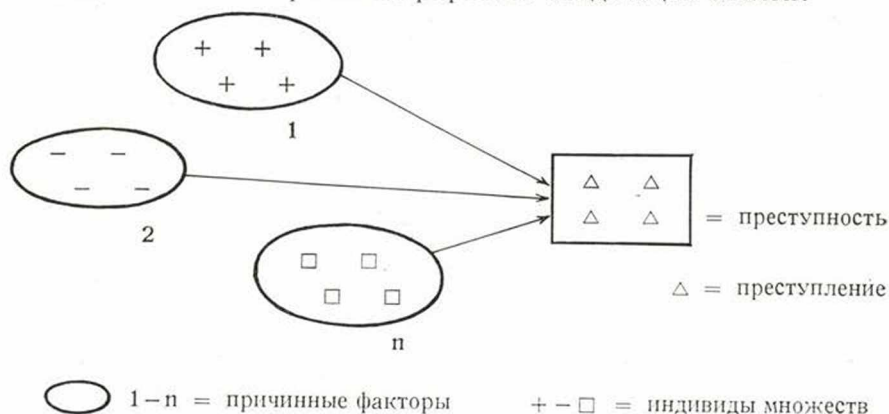
3. ПРИЧИННОСТЬ ПРЕСТУПНОСТИ

(Статистическая каузальность)

Криминология рассматривает преступность как статистическое множество, как массовое явление. И, как таковая, обладает всеми теми свойствами, которые вообще характерны для массовых явлений, в частности: имеет динамику и структуру, состоит в стохастической связи с другими массовыми явлениями. Следовательно, с точки зрения каузальности правомерно возникает вопрос, что причинная связь, порождающая преступность и определяющая ее изменение, отклоняется ли от вышеизложенной каузальности, проявляющейся на уровне индивидуального, конкретного преступления? На этот вопрос философия даже на общем уровне не дает соответствующего ответа.²⁷ В философской специальной литературе можем читать о „причинных и вероятностных связях”.²⁸ Проблема массовых явлений появляется вообще только тогда, когда речь идет о законах. Здесь уже можем встретить численные позиции, относящиеся к сущности динамических и статистических закономерностей, но главным образом касаются их отношения друг к другу.

Мы со своей стороны исходим из того основополагающего, единодушно признаваемого марксистскими специалистами, принципа, что причинная связь является всеобщей, а поэтому ее можно обнаружить как в области массовых явлений, так и в области индивидуальных, единичных явлений. Если мы будем считать преступность, как массовое явление, как самостоятельную систему — подобно преступлению, — следствием, то и это явление должно иметь свои причины и условия, существование и движение которых необходимо определяют преступность. (Только ради избежания недоразумения припомню, что когда я какое-нибудь явление признаю следствием, то речь идет всегда о прошедшем, уже имевшем место событии. С точки зрения причинности мы всегда говорим о каком-нибудь прошедшем периоде, или прошедших периодах времени.) Здесь однако механизм причинности, схема причинности приобретает иной вид, иную форму. Так как речь идет о статистическом множестве, о совокупности, системе относительно независимых, но однородных индивидов, причины и условия также по-

являются в форме статистических множеств, то есть в форме массовых явлений, что можно проиллюстрировать следующей схемой:

Из рисунка видно, что преступность рассматривается нами как целое и что для нее как раз так характерны много-однозначные причинные связи, как и для любого конкретного преступления. Совокупность причинных факторов необходимо определяет объем и структуру преступности и, подобным образом, изменение причинных факторов необходимо определяет изменение объема и структуры преступности. Эта форма каузальности действенная в отношении частичных множеств преступности, то есть действенная в отношении также групп, образовавшихся с помощью отличающих признаков, если только они еще способны образовать множество. (Например, насильственная преступность, рецидивная преступность, имущественная преступность и т.д.)

Для криминологии имеет фундаментальное значение, чтобы нами были вскрыты те массовые явления, которые состоят в причинной связи с преступностью, как с общественным массовым явлением. Эффективное предупреждение возможно только тогда, если мы сможем установить, каким объемом обладают массовые явления, находящиеся в причинной связи с преступностью, а также сможем определить, с какой именно интенсивностью они влияют на преступность, то есть насколько тесная их причинная корреляция с преступностью. Здесь мы должны отметить, что не всякая корреляционная связь означает причинную корреляцию. Напр., может случиться, что численный рост поколения несовершеннолетних показывает тесную корреляцию с ростом криминальности несовершеннолетних. Вопреки этому эти два явления свидетельствуют не о причинной связи (корреляции) между ними. Конкретные исследования доказывают, что причинные связи мы можем обнаружить в изменении личности, общественного положения несовершеннолетних.²⁹

Однако, возвращаясь обратно к причинной связи преступности, невольно возникает вопрос, каким образом можно установить, что которые именно явления находятся в причинной связи с преступностью,

тождественны-ли эти причины с причинами конкретных преступлений? Ответ, прежде всего, дают нам эмпирические исследования, но ответ может быть также выведен дедуктивным способом из связи понятий преступности и преступлений. Если преступность является статистической совокупностью преступлений, то и причины не могут быть иными, чем те индивидуальные явления и их совокупности, которые вызвали конкретные преступления. При сущностной тождественности, однако, могут быть обнаружены также некоторые, в основном формального характера, различия. В то время как на индивидуальном уровне, на уровне конкретного преступления причины и условия могут быть точно разграничены, на уровне преступности разницу между причинами и условиями можем определить на основе частоты функционирования причинных факторов. Причинами преступности мы считаем те явления, причинные факторы, которые проявляют себя как причина при большом числе конкретных преступлений или обнаруживают себя в основном как причина. И, таким же образом, можем считать условиями те явления, причинные факторы, которые при совершении конкретных преступлений обычно играли роль условия. Иллюстрируя сказанное конкретным примером, укажем на следующее: преступное окружение или дезорганизованные семейные обстоятельства, среди которых живут несовершеннолетние, в преобладающем большинстве случаев выступают в качестве причины, поэтому их можем считать также причиной преступности. Подобным образом отсутствие охраны или контроля, очень часто служат условием совершения преступлений, поэтому отсутствие охраны, как массового явления, имеющего место в большом масштабе, можем считать условием преступности. Эти примеры взяты из области объективных явлений, но можем привести примеры также из области субъективных причин, как например, неправильные взгляды на труд, на общественную собственность, которые тоже способствуют существованию преступности.

Причины конкретных преступлений в своей индивидуальности многообразны. Вследствие случайных влияний мы можем встретить также такие причинные факторы, которые немногочисленны или имеют место только в одном случае и, если мы станем рассматривать преступления в большом масштабе, на уровне массовых явлений, то упомянутые выше экстремные причинные факторы теряют свои признаки, с точки зрения возникновения множества становятся несущественными. Поэтому среди причин и условий преступности роль играют только такие причинные факторы, которые и сами образуют массовое явление, статистическое множество.

Обрисованная нами связь между причинами конкретных преступлений и причинами преступности несколько отклоняется от того, раньше уже приводимого, взгляда Карпеца-Ратинова, согласно которому причины так относятся друг к другу, как часть к целому.

Также неточным является, по-нашему, представляемый Бунге взгляд, что многократная причинность переходит в статистическую детерминацию, то есть, пользуясь нашим выражением, показывает

статистическую каузальность, когда возможные причины достигают высокую степень сложности и, особенно тогда, когда все причины однородны и интенсивность градации по размеру также тождественна.³⁰

Согласно нашей оценке статистическую каузальность от индивидуальной каузальности отличает не количество причин или их качество а то своеобразное причинное отношение, которое обнаруживает себя между массовыми явлениями.

4. ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ В ПРИЧИННОМ ОТНОШЕНИИ

То, что было до сих пор сказано, относилось всегда к уже осуществленному преступлению или к причинному отношению преступности. Как раз поэтому эта определенность является полной настолько, насколько каждая вещь прошлого состояла в генетическом причинном отношении с другими вещами. (Более точно формулируя, и в том, но не необходимо только в том. И так как нас интересует только причинное отношение, здесь мы не будем касаться других отношений.) Иначе говоря, все явления материального мира, ставшие действительностью, возникли, существовали, изменялись и прекратили свое существование вследствие достаточных материальных причин.³¹

Между прошлым и будущим действенное причинное отношение не существует, так как будущее, только возможное явление, не имеет еще пока своих причин, оно их будет иметь только с прохождением времени, когда будущее сначала станет настоящим, затем — прошедшим. Причинное отношение существует только между причиной и следствием, следствие же является осуществленным последствием, значит, предполагает прошедшее время. Прошлое является областью реализовавшихся явлений, будущее же принадлежит к области возможностей, вероятностей. Однако, будущее состоит из таких реальных возможностей, которые коренятся в прошлом (настоящем). В возможных событиях будущего проецируются вперед причинные отношения прошлого, затем, в зависимости от формирования обстоятельств, когда уже настоящее будущее становится прошлым, также и эти влияния становятся причинными факторами. Эти причинные факторы в настоящем состоят с возможностями будущего еще пока только в отношении *вероятности*. Следовательно, возможное в будущем причинное отношение можем считать вероятностным отношением, и в этом отношении еще нет причин, причины будут только тогда, когда некоторая из возможностей станет действительностью, то есть станет прошедшим (настоящим). И, наоборот, отношения прошедшего не являются вероятностными, возможности прошедшего уже не существуют, с тем, что некоторая из возможностей реализовалась, а остальные, как возможности, прекратили свое существование. Так становятся в действительности (в прошлом, в настоящем) многозначные отношения, существующие независимо от времени, множеством однозначных определенностей в причинном отношении.

Для не-философов, но даже и для них (см.: Адам Дьердь: Детерминистическая концепция — недетерминированное лишение свободы, Йогтудоманьи кёзлёнь, июнь 1972 г.) представляет трудность интерпретация прошлого, настоящего и будущего. Согласно обыденному взгляду, настоящее, как правило, отождествляется нами с недавним прошлым и близким будущим и считаем, что и настоящее выражает, хотя и короткий, но все же определенный отрезок времени, продолжительность времени. Однако, если станем рассматривать процессы в их реальности, а не только в их поверхностном отражении, то мы должны констатировать, что у настоящего нет объемности, так как нет ее и у точки. Настоящее в действительности представляет собой только точку времени, граничную черту между прошлым и будущим, место которой с прохождением времени постоянно меняется. Поэтому и настоящее мы употребляем только в скобках при прошлом, ведь то, что в одном моменте еще считается настоящим, в другом моменте принадлежит к области прошедшего времени.

С точки зрения каузальности преступления такое понимание будущего „причинного” отношения, вероятностного отношения означает, что причины преступного человеческого поведения не определяют совершение преступления, преступного человеческого поведения, заранее, последнее не является заранее детерминированным, необходимая причинная определенность не приводит к фатализму, как это провозглашают теоретики, отрицающие существование каузальности, а отражает реальную действительность, формулирует существующие, объективные действительные процессы.

Причинные, прошедшие генетические отношения, а также знание их законов делает для нас возможным прогноз о становлении отдельных правонарушителей рецидивистами, делает возможность прогноз об ожидаемом формировании преступности как статистического множества или ее частичных множеств.

5. ЗАКОНЫ ПРИЧИННОСТИ

О причинном отношении утверждаем, что оно содержит необходимость, то есть причины и условия обязательно порождают следствие, совершение преступления. Анализ этого необходимого отношения требует исследования вопроса о том, что в случае повторения одних и тех же причин и условий вызываются одни и те же следствия. На этот вопрос сегодняшнее материалистическое воззрение может дать только положительный ответ. Если совокупность и структура причин и условий (в случае человеческого поведения подразумевается также и состояние личности) полностью тождественны, тогда и следствие должно быть тождественным. В криминологическом аспекте это можем формулировать следующим образом: тождественная констелляция криминальных факторов (причины и следствия) приводит к совершению тождественного преступления.

В действительности, однако, как раз вследствие непрерывного движения, изменения констеляция причин и условий очень изредка повторяется в тождественной форме. Повторение, обычно, наступает только на уровне сходства. Поэтому и тождественные причины порождают лишь следствие, соответствующее констеляции всех факторов. Для иллюстрации приведем конкретный пример: тождественные криминогенные семейные обстоятельства не необходимо порождают тождественное преступление или, давая более общую формулировку, не необходимо приводят к совершению преступления. Или же, наоборот: благоприятствующие семейные обстоятельства, условия по месту работы, не необходимо исключают совершение преступления.

Перед криминологией, как правило, ставится вопрос, формулируют требование: почему из числа людей, несовершеннолетних, живущих при тождественных условиях, одни становятся преступниками, а другие остаются в рядах людей, уважающих законы, возможно даже служат примерным образцом. Ответ, помимо вышеприведенного абстрактного ответа, мы должны искать прежде всего в законе причинности, а также в процессах, определяющих существование закона.

В случае повторения явлений, возникновения их в большом количестве, среди необходимых причинных связей имеются и такие, которые часто повторяются, а есть и такие, которые только изредка повторяются, или же совсем не обнаруживают себя вторично. Существенные, прочные и общие необходимые причинные связи, которые в случае повторения явлений снова и снова обнаруживаются, мы называем необходимыми взаимосвязями, а те причинные связи, которые обнаруживаются в экстремных случаях, но которые также являются необходимыми называем случайными.³² Из этого следует, что закон причинности (закономерность) содержит сущность, общность и постоянство (прочность) генетического отношения между явлениями.³³

Из понятия закона, из понятия закономерностей взаимосвязи явствует, что их познание невозможно на основании одной только причинной связи, порождающей конкретное следствие; такая возможность представляется только в случае повторения многократного обнаружения следствий. Например. Познание причинных факторов, принявших участие в порождении одного конкретного преступления, порождая его с необходимостью, еще не дает нам ответа на то, которые именно являются факторами, играющими случайную роль, и которые — закономерными, делающими вероятностным порождение преступления также в будущем. Для этого необходимо провести большое количество исследований, так как существенные и постоянные (прочные) взаимосвязи только таким образом могут быть разграничены от случайных.

Согласно Философскому Малому лексикону: „Познание Закона предполагает переход от явления к сущности и всегда происходит путем абстрактного мышления, отвлечения от множества чисто индивидуальных и несущественных признаков явлений”.³⁴

Редко, или едва встречаемые случайные взаимосвязи случайными являются только в связи с закономерным, однако они являются необходимыми связями индивидуальных определенностей.

Среди философов, особенно в среде естествоиспытателей, часто бывает, что причинные отношения отождествляют с закономерностями.³⁵ Из этого вытекает, что проявляющуюся в причинной взаимосвязи необходимость они переносят также в сферу закономерностей (законов), а отсюда уже только один шаг к выводу, что существенные причинные связи необходимо определяют возникновение явления или движение явления. Поэтому мы должны особенно подчеркнуть, что

1. причинные отношения содержат не только существенные закономерные взаимосвязи, но также и случайные связи,
2. в то же время закон содержит не только существенные причинные отношения, но и иные существенные отношения, например, структуральные отношения.³⁶

Из всех законов мы занялись только причинными законами, с их формами, с условиями их проявления в области преступлений и преступности.

Причинный закон в криминологии означает, что среди причин и условий преступлений (нескольких, многих или всех преступлений) имеются также такие, которые находятся в существенной, общей и постоянной связи с преступлениями, то есть со следствиями. При исследовании преступлений в большом масштабе и за более длительный период времени и при выявлении причинных связей можно констатировать, что наличие этих причинных факторов и в будущем закономерно будет вызвать следствие, преступление.

Для лучшего понимания понятия закономерного порождения представляется целесообразным хотя бы бегло просмотреть все, что относится к признакам закономерностей.

Статистические и динамические закономерности. Вместо того, чтобы сделать попытку дать обрисовку того сложного, и часто основывающегося на понятийных расхождениях, спора, который имеет место в философской и специальной литературе по естествознанию о существовании динамических и статистических законов, об их соотношении между собой и об их отношении к каузальности,³⁷ с целью информации мы здесь ограничимся только ссылкой на Философской Малый Лексикон, дающий краткую интерпретацию по рассматриваемому нами вопросу. „Статистическая и динамическая закономерность — формы проявления закономерностей причинной связи явлений. Динамическая закономерность — форма причинной связи, при которой данное состояние системы однозначно определяет все ее последующие состояния, в силу чего знание начальных условий дает возможность точно предсказать дальнейшее развитие системы. Динамическая закономерность действует во всех автономных, мало зависящих от внешних воздействий системах с относительно небольшим числом элементов. Он определяет, например, характер движения планет в солнечной системе.

Статистические закономерности — форма причинной связи, при которой данное состояние системы определяет все ее последующие состояния не однозначно, а лишь с определенной вероятностью, являющейся объективной мерой возможности реализации заложенных в прошлом тенденций изменения. Статистическая закономерность действует во всех неавтономных, зависящих от постоянно меняющихся внешних условий системах с очень большим количеством элементов. Строго говоря, всякая закономерность является статистической. Это обусловлено тем, что материя неисчерпаема и всякая система состоит из бесчисленного множества элементов. Кроме того, каждая система является незамкнутой и взаимодействует с окружающей средой. Поэтому каждая динамическая закономерность является статистической с вероятностью осуществления близкой к единице, т.е. внешние воздействия и многие внутренние связи в системе не оказывают существенно-го влияния на нее”.³⁸

Согласно цитате, закономерная причинная связь имеет две формы проявления, если говорить не строго. Если, однако, подходить к этому строго, то „каждая закономерность статистическая”, следовательно, существует только один вид причинной закономерности и он проявляется в области статистического характера закономерности, то есть в пределах систем, совокупностей, состоящих из большого числа тождественных типов, элементов. Согласно этому, поведение индивидов подчинено закономерностям, действующим внутри множества. Этот вывод, повидимому, подтверждают криминологические исследования.

Однако, принятие этого тезиса требует объяснения отношения между индивидом и множествами.

Общепринято считать, что бытие индивида, как и бытие системы совокупности, относительно. Об отношении между индивидом и множеством Эрдеи-Груз пишет: „Составные части и сложенные из них структурные целые образуют иерархическую систему, каждый уровень (каждый член) которой, с одной стороны, является структурным целым, построенным из собственных составных частей, с другой же стороны, являются составной частью (элементом структуры) следующего, более высокого уровня. Составная часть и структурное целое — относительные понятия: каждый составной элемент одновременно является также и структурным целым, и каждое структурное целое является также составным элементом”.³⁹

Переходя теперь от чисто абстрактного философского уровня к специфической сфере преступности, можно установить, что криминология занимается с той областью иерархии индивидов и систем, в которой преступное человеческое поведение, индивид и их совокупность, статистическое множество, составляют структурное целое, преступность.

Кетле уже в 30-х годах прошлого столетия обнаружил, что в области человеческого поведения, в том числе и в области преступности, покоящихся с виду на свободе воли, как раз так господствуют законы, как и в области природных явлений.⁴⁰

В области действия статистических законов влияние, оказываемое на объект, не приводит к однозначному результату, а порождает рассеивание. Преступность обнаруживает типично такую же закономерность. Криминогенные факторы не однозначно вызывают, порождают преступление, а только лишь с большой вероятностью. То есть те факторы, которые мы называем причинами и условиями преступности, у данного индивида не обязательно вызывают преступное поведение, однако, если мы возьмем индивидов в большом количестве, то преобладающее их большинство необходимо совершит преступление. В этом и заключается сущность статистического закона. Наличие причин в прошлом (настоящем) делает вероятным наступление следствия в будущем. Проживающая в криминогенных условиях личность вероятно, что в будущем совершит преступление. Однако, определенное число таких лиц (соответственно числу показателя опыта вероятности) необходимо совершит преступление, будет подчиняться закону преступности. Кто совершит, а кто не совершит преступление из числа указанных лиц, зависит от вероятностных отношений, обнаруживаемых в области индивидуальных явлений, то есть зависит от совокупности закономерных и случайных с точки зрения движения влияний всего множества.

Философия учит, что закон носит *характер тенденции* и эта тенденционная направленность является одной из существенных характеристических признаков закона.⁴¹ Это значит, что закон не реализуется необходимо у каждого отдельного элемента системы, множества, у каждого индивида, так как отдельные законы в действительности действуют всегда в связи с обстоятельствами и другими законами. Даже такой естественный закон, считающийся динамическим, как открытый Галилеем закон свободного падения, не действует в своей чистой форме, ибо атмосфера, ветер и другие явления оказывают влияние на скорость падающего тела. Подобным образом можно привести, как пример, также закон, относящийся к траектории и попаданию снаряда, что также дает рассеивание и действует только как тенденция. Еще заметнее это происходит подобным образом в области общественных явлений, преступного человеческого поведения, где причины и условия, порождающие результат, следствие, и сами обнаруживаются в большом количестве, и, таким образом, их констелляции почти не исчислимы. Медленнее или более быстро происходящие необходимо общественные движения, изменения, не в одинаковой мере касаются каждого индивида, каждой группы. Общественные изменения, соответственно этому, усиливают или ослабляют активность отдельных групп людей. И там, где эта изменяющаяся активность находится в связи с криминогенными факторами, преступность или ее определенная форма будет уменьшаться или увеличиваться. Происшедшее в области причинных факторов структурное изменение влияет на изменение структуры преступности и направление этих изменений определяет направление тенденции преступности.

Не нужно быть криминологом для того, чтобы можно заранее сказать, что преступность и через 3,7 или 15 лет будет еще существовать. Человек со средним уровнем интеллектуальных способностей знает, что если в прошлом году существовала преступность и причины и условия преступности существенно не изменились, то и в будущем году, и в последующих годах преступность будет продолжать существовать. За этим обобщенным каждодневным опытом фактически кроется причинный закон преступности. Однако, знание причинных законов преступности предоставляет возможность не только для таких глобальных предсказываний, а делает возможным, с одной стороны, прогнозирование преступности в целом и то с относительно узким допуском отклонения (10—15%), с другой стороны, на основе закономерностей частных множеств с большей вероятностью (80—90%) можно делать выводы о становлении индивида преступником вообще, или рецидивистом, в частности. Знание законов преступности открывает возможность разработки эффективных мер с целью предупреждения преступности начиная от искренивания общественных причин и до уменьшения технических условий.

Наряду с законами преступлений, то есть преступности, в целях осуществления эффективного привлечения к уголовной ответственности, необходимо познать также законы поведения, деяний — преступных и не преступных, проявляющие правонарушителем. Поведение правонарушителя в прошлом также представляет собой статистическое множество, совокупность, одним из элементов, индивидов которых является как раз исследуемое нами преступление. Это поведение, то есть его причинные факторы обладают своими существенными, общими и постоянными признаками, как и преступления. Следовательно, и в поведении правонарушителя имеется необходимое и случайное. В уголовном процессе осуществляется правосудие с точки зрения вынесения приговора, специальных мер предупреждения нельзя оставить без внимания закономерность, действующую в прошлом поведении правонарушителя, ведь конкретное преступление и в этой реляции может быть закономерным или случайным. Будущее поведение правонарушителя можно с вероятностью предсказать, если в процессе привлечения к уголовной ответственности удастся вскрыть закономерность, проявляющуюся, действующую в поведении, деянии правонарушителя. Если исследуемое преступное деяние принадлежит к области закономерного поведения, тогда налицо большая вероятность того, что при неизменных условиях, то есть в случае неизменных обстоятельств и неэффективности привлечения к уголовной ответственности, правонарушитель совершит новое, быть может подобное, преступление. И, наоборот, если конкретное преступление может быть признано случайным, тогда совершение нового преступления не окажется вероятным. Знание закономерностей общего (прошлого) поведения правонарушителя и преступности является той прочной почвой, на которой могут быть построены эффективное уголовное преследование, эффективное осуждение и исполнение наказания.

СНОСКИ

- ¹ Werner Heisenberg: Válogatott tanulmányok. Gondolat Kiadó, Budapest, 1967. 96. old. (Вернер Гейзенберг: Избранные произведения. Издательство „Гондолат”, Будапешт, 1967. стр. 96.)
- ² Смотри: I. V. Szacskov: A kvantummechanikai materialista értelmezéséről. Gondolat Kiadó, Budapest, 1961. И. В. Сачков: О материалистическом понимании квантовой механики. Издательство „Гондолат”, Будапешт, 1961.
- ³ M. Bunge: Az okság. Gondolat Kiadó, Budapest, 1967, 23–24. o. М. Бунге.: Причинность. Изд-во „Гондолат”, Будапешт, 1967. стр. 23–24.
- ^{3/a} Dr. Földesi Tamás: A jelenségek egyetemes összefüggése és kölcsönhatása. „A dialektikus materializmus” c. kiadványban. Tankönyvkiadó, Budapest, 1972. 120. old. Др. Фелдеш Тамаш: Всеобщая связь явлений и их взаимодействие. В издании „Диалектический материализм”. Изд-во „Танкёньвкиадо”, Будапешт, 1972. стр. 120.
- ⁴ М. Бунге: там же стр. 51.
- ⁵ Смотри: Fodor Judit: A determinizmus-koncepció fejlődése és kapcsolatai a kvantummechanikával. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1972. Фодор Юдит: Развитие концепции детерминизма и её связи с квантовой механикой. Академиздат, Будапешт, 1972.
- ⁶ В. Н. Кудрявцев: Причинность в криминологии. Москва, 1968. Vigh József: Kauzalitás a kriminológiában. Jogtudományi Közöny, 1968. 11–12-sz. Виг Йозеф: Каузальность в криминологии. Югтудоманьи Кёзлёнь, 1968. №№ 11–12.
- ⁷ М. Бунге: там же стр. 193.
- ⁸ Filozófiai Kislekikon. Kossuth Könyvkiadó, 1972. 261–262. old. Философский Малый Лексикон. Изд-во Кошшут, 1972. стр. 261–262.
- ⁹ Földvári – Vigh: Kriminológia. Tankönyvkiadó, Budapest, 1968. 94. old. Фелдвари – Виг: Криминология. Изд-во „Танкёньвкиадо”, Будапешт, 1968. стр. 94.
- ¹⁰ Смотри: Кудрявцев – там же, и Д. Фиданов: Случайный преступник. Известия на Междуведомственный Совет за Криминологически Исследования, 2. София, 1972.
- ¹¹ Keszttyűs – Sós: A kórélettan tankönyve. Medicina Könyvkiadó, Budapest, 1971. Кестьюш – Шош: Учебник патофизиологии. Изд-во Медицина, Будапешт, 1971.
- ¹² Смотри: Фиданов: там же.
- ¹³ Бунге: там же стр. 423.
- ¹⁴ Фелдеш: там же стр. 134.
- ¹⁵ Кестьюш – Шош: там же стр. 42.
- ¹⁶ M. G. Makarov: A cél. „Szemelvénygyűjtemény a filozófia szakosító hallgatói részére. Dialektikus Materializmus”. Kossuth Könyvkiadó, 1969–1970. 201–209. old. „Сборник извлечений для слушателей по философии. Диалектический материализм”. Изд-во Кошшут, 1969–70, стр. 201–209.
- ¹⁷ Бунге: там же, стр. 204.
- ¹⁸ Энгельс: Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Госполиздат. 1950. стр. 80.
- ¹⁹ Макаров: там же, стр. 207.
- ²⁰ Кудрявцев: там же стр. 21.
- ²¹ Смотри: Кудрявцев: там же.
- ^{21/a} Смотри: Виг: там же.
- ²² Бунге: там же стр. 50.
- ²³ Eörsi Gyula: A jogi felelősség alapproblémái. Polgárjogi felelősség. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1961. 157–158. old. Ерши Дьюла: Основные проблемы правовой ответственности. Гражданско-правовая ответственность. Академиздат, Будапешт, 1961. стр. 157–158.
- ²⁴ В. Н. Кудрявцев: Проблемы причинности в криминологии. „Вопросы философии”, 1971. № 10.
- ²⁵ Karpec – Ratynov: A jogtudat és a bűnözés okai. Magyar Jog, 1969. 9. sz. 560. old. Карпец – Ратинов: Правосознание и причины преступности. Мадьяр Йог, 1969. № 9. стр. 560.
- ²⁶ Кестьюш – Шош: там же стр. 43.

- ²⁷ Бунге: там же стр. 168.
²⁸ Фодор: там же стр. 198 – 225.
²⁹ Sh. Gkueck: Ten Years of Unraveling Juvenile Delinquency – An Examination of Criticisms. The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science, Vol. 51. No 3. 1960. 283 – 308 p.
³⁰ Бунге: там же стр. 168.
³¹ Фодор: там же стр. 224.
³² Смори Фелдеш: там же стр. 138 – 139.
³³ Szabó András György: A törvény és az ember. Kossuth Kiadó, Budapest, 1964.
 121. old. Сабо Андраш Дьердь: Закон и человек. Изд-во Кошшут, 1972. стр. 380.
³⁴ Filozófiai Kislexikon, Kossuth Kiadó, 1972. 380. old. Философский Малый Лексикон, изд. Кошшут, 1972. стр. 380.
³⁵ В. А. Фок: Дискуссия с Нилсом Бором. Вопросы философии, 1964. № 8.
³⁶ Фодор: там же стр. 227.
³⁷ Смори по данной тематике: Проблема причинности в советской физике. Изд. Академии Наук, Москва, 1960.
 D. Bohm: Okság és véletlenség a modern fizikában. Gondolat Kiadó, Budapest, 1960. Д. Боhm: Причинность и случайность в современной физике. Изд. Гондолат, Будапешт, 1960.
 I. V. Szacskov: A Kvantummechanika materialista értelmezése. Gondolat Kiadó, Budapest, 1961. И. В. Сачков: Материалистическое понимание квантовой механики, Изд. Гондолат, Будапешт, 1961.
 W. Hetsenberg: Válogatott tanulmányok. Gondolat Kiadó, Budapest, 1967.
 В. Гейзенберг: Избранные труды. Изд. Гондолат, Будапешт, 1967.
 M. Bunge: Az okság. Gondolat Kiadó, 1967. М. Бунге: Причинность, Изд. Гондолат, 1967.
 H. Korsch: Okság és determinizmus. Dialektikus materializmus szakosító szemelvénygyűjtemény. Kossuth Könyvkiadó, Budapest, 1969 – 1970. Г. Корш: Причинность и детерминизм. Извлечения по диалектике. Изд. Кошшут, Будапешт, 1969 – 70.
³⁸ Filozófiai Kislexikon 1. kiadás, 317 o. Фил. М. Лекс. I. изд.
³⁹ Erdey-gruz Tibor: A világ anyagi szerkezete. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1965. 40 – 41. old. Эрдей-Груз Тибор: Материальное строение мира. Изд. Гондолат, Будапешт, 1965. стр. 40 – 41.
⁴⁰ A. Quetelet: A társadalom fizikája vagy értekezés az emberi képességek tanulmányozásáról. 1911. 12. old. А. Кетле: Социальная физика или опыт об исследовании человеческих способностей. 1911. стр. 12.
⁴¹ Смори: Фелдеш: там же, стр. 141.

DIE KAUSALITÄT UND GESETZMÄSSIGKEIT DER VERBRECHEN

(ZUSAMMENFASSUNG)

Bei der Behandlung des Begriffs der Kausalität wendet die Abhandlung die Feststellung der marxistischen Philosophie an und versucht auf Grund des Verbrechens als individuelle und der Kriminalität als Massenerscheinung die Begriffe der Kausalität, der Determiniertheit und des Kausalitätsgesetzes zu klären.

Die Tabellen, die den Kausalitätsmechanismus der konkreten Verbrechen veranschaulichen, widerspiegeln die Kompliziertheit der Kausalität des Verbrechens, die Notwendigkeit der Entstehung der Wirkung. Der Verfasser nimmt eindeutig dazu Stellung, dass das Begehen eines Verbrechens von objektiven Verhältnissen durch die Person determiniert ist. Die objektiven Verhältnisse bestimmen in zwei Relationen das Begehen eines Verbrechens. Die erste Relation besteht darin, dass die aktuelle Person von den vergangenen objektiven Verhältnissen ausgestaltet wird; bei der zweiten Relation wirken die vor dem Begehen des Verbrechens bestehenden objektiven Verhältnisse auf die aktuelle Person. So stehen zwei Kettenglieder der Kausalreihe im Vordergrund der kriminologischen Untersuchung. Wenn man das Verbrechen als Wirkung betrachtet, dann steht es unmittelbar mit subjektiven Ursachen um Kausalverhältnis. Diese subjektiven Ur-

sachen, die Motive bestehen einerseits aus den Ansichten und der Bewusstseins-einstellung der Person, andererseits aus den Motiven, die auf die Einwirkung von aussen entstehen. Das andere kausale Kettenglied ist das Subjekt, es enthält das Kausalverhältnis zwischen der Willensentscheidung als Wirkung und Zwischen den objektiven Verhältnissen, welche diese Willensentscheidung bestimmen.

In der Abhandlung wird der Gedanke gründlich erörtert, dass sich die Kausalität im Bereich der Vergangenheit befindet, während die Zukunft der Bereich der Möglichkeiten, Wahrscheinlichkeiten, Prognosen und Pläne ist.

Was die Gesetze der Kausalität betrifft, lehnt der Verfasser die Konzeption über die Existenz der dynamischen und statistischen Gesetze ab und erkennt nur die Existenz eines einzigen Gesetzes an.

CAUSALITY AND LAW OF CRIMES

(SUMMARY)

Studying the term of causality and using the statements of marxist philosophy the author makes an attempt to clear up the definition of causality, determinism and the causal law on the level of the crime as an individual phenomenon and criminality as a mass phenomenon.

The complexity of causality is illustrated by the causal schemes of individual crimes. The author agrees with the conception according to which the crimes are determined by the objective relations through the personality. This objective relations determine the commitment of crimes in two ways

1. when the objective relations form the given personality, and
2. when the objective relations effect upon the personality before committing the crime. Consequently, these two chains of causality are standing in the focus of causal studies.

Taking the crime as a result it is in direct connection with the subjective reasons consisting of the views and outlook of mind of the personality. The other chain of causality is when the views and outlook of mind are considered as results determined by the objective relations. In the article it is of great significance that the causal connection can be found in the past, whereas the future is the field of the possibility, probability, prediction and the plans.

The author denies the existence of the two forms of causal law and he recognizes that there is only one existing form.